

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

МАГОКРА

HOMER
18⁺
2025

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ЕЛЕНА
ТАЛЛЕНИКА

Республика Литературная

**Москва литературная
№2 (9), 2025. Стихотворения.
Проза. Рецензии. Интервью**

Литературная Р.

Москва литературная №2 (9), 2025. Стихотворения. Проза.
Рецензии. Интервью / Р. Литературная —

В журнале публикуется проза, поэзия и публицистика разнообразных жанров и тематики. Рубрики: «Гвозди номера», «Проза жизни и не только», «Поэтическое слово», «Заметки на полях», «Имена XXI века», «Рецензии. Отзывы. Критика», «Новинки. События. Интервью».

Содержание

Слово редактора	6
Мастер	7
Владимир Бояринов: дорога к себе	7
Гвозди номера	35
Елена Талленика	35
Мнение	45
Творчество – это свобода...	45
Поэтическое слово	52
Эдуард Артюхов	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Москва литературная №2 (9), 2025

Стихотворения. Проза.

Рецензии. Интервью

Республика Литературная

ИД «Литературная Республика»

Руководитель проекта Ольга Бояринова

Администратор проекта Элеонора Коновалова

Выпускающий редактор Виктор Петров

Верстка Людмила Дёмина

Дизайнер обложки Ирина Королёва

© Республика Литературная, 2026

© «Литературная Республика», 2026

© Ирина Королёва, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-605-53630-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Слово редактора

Дорогие читатели!

Если читателям и авторам «Москвы литературной» задать вопрос: с чем связан для вас 2025 год, уверена, что большинство ответов будут – «Перемены». Изменения в общественной, экономической, социальной жизни настигают нас, кажется, ежедневно. Меняются климат и идеология, технологии и принципы, мнения казалось бы самых консервативных их носителей.

Этот тренд не обошел стороной журнал и его авторов. В каждом номере «Москва литературная» пополняется новыми рубриками. С этого номера мы вспоминаем произведения классиков, открыв раздел «Книжная полка».

Эдуард Артюхов, известный больше как поэт, издал книгу «Уроки деда», акцентная часть которой – 12 рассказов о формировании характера и ценностных ориентиров. Читателям журнала откроется еще одна его творческая грань. В рубрике «Литературные путешествия» опубликовано исследовательское эссе Эдуарда Артюхова об Александре Пушкине.

С большим удовольствием «Литературная Республика» представляет» Анну Маг. Знакомая по качественной так называемой «женской прозе», она, неожиданно для нас, проявила себя тонким, ироничным поэтом.

Предприниматель Алексей Старовойтов, на счету которого удачные бизнес-проекты, открыл в себе литературный талант, написав и издав художественно-документальную книгу «Шел Алеша по шоссе...», где делится своим удачным опытом и честно разбирает свои ошибки. Отрывок из книги опубликован в рубрике Ex Libris.

Что заставляет писателей меняться, каковы мотивы трансформации и где личная финальная точка у каждого для любых перемен – об этом рассуждают авторы журнала в рубрике «Мнения».

«Единственный способ осмыслить перемены – это погрузиться в них, двигаться вместе с ними и присоединиться к танцу», – говорил британский писатель и философ Алан Уотс. Танцуя, давайте помнить, что во времена самых масштабных и бурных трансформаций всегда остаются константы – талант, надежда, любовь, юмор, ирония. Все то, чем в полной мере наделены авторы журнала «Москва литературная» и их произведения.

#

Ольга Бояринова,

руководитель ИД «Литературная Республика»

Мастер

Владимир Бояринов: дорога к себе

Думая о переменах, мы не можем не вспомнить основателя издательства «Литературной Республики» Владимира Бояринова – поэта, который не только был готов к резким изменениям в своей биографии, но и умел обращать их во благ. Предлагаем проследить трансформацию Владимира Георгиевича от студента-технаря, «заочника» Литературного института им. А. М. Горького до признанного литератора, общественного деятеля, руководителя МГО СПР. Помогут в этом отзывы современников о его первой книге и произведениях периода творческого расцвета, воспоминания героя рубрики «Мастер» о своем первом рабочем дне. И, разумеется, стихотворения русского поэта Владимира Бояринова.

* * *

Трудно загадывать, как эту книгу – в чём-то озорную, звонкую, а в основе своей серьёзную, с глубинкой – примут там, за порогом издательства. Трудно потому, что мир-то впереди у неё какой – мир знатоков и любителей поэзии, мир взыскательного читателя. И вряд ли стоит опережать его мнение. Единственно, что даёт мне основание говорить о книге перед книгой, так это то, что я тоже читатель.

И вот говорю: эта поистине молодая книга написана не только профессионально, но и по любви – по любви к живому разговорному слову, по чувству жеста в слове и вообще – по отзывчивости ко всему тому, что окружает молодого поэта и просит слова.

В книге – наше время, время города и деревни, время больших свершений, время человека – деятельного, целеустремленного и, что тоже весьма немаловажно, – не лишённого чувства озорства и лирического склада.

Предисловие к книге В. Бояринова «Росстани». М.: «Современник», 1978 г.

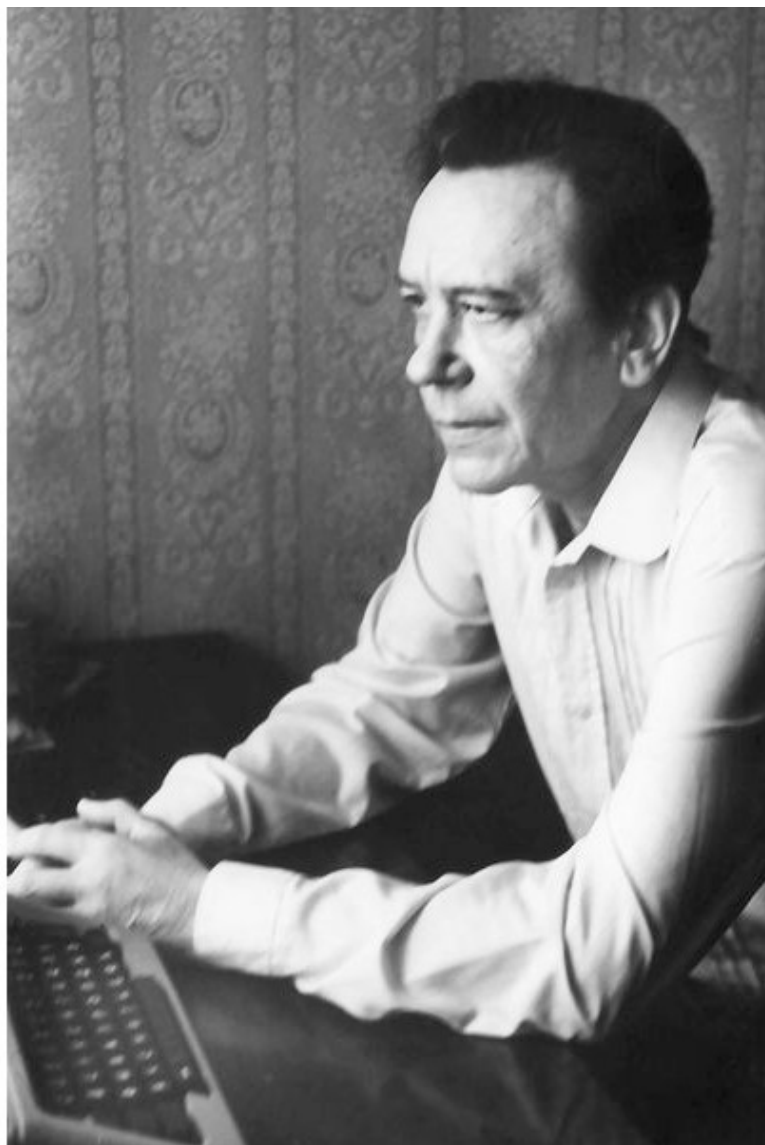
С улицы

В 1974 году волею судеб меня перенесло из семипалатинских степей в столицу нашей родины. К этому времени я перешёл на второй курс заочного отделения Литературного института им. А. М. Горького. Из писательской среды я знал только одного живого поэта, руководителя семинара Егора Исаева, который ещё не был Героем труда и Ленинским лауреатом, но у меня даже мысли не возникало, чтобы обратиться к нему по поводу подходящей работы. Я просто собрался с духом и в один из ясных августовских дней вышел на поиск, как выходят в море или на охоту. На соседней улице располагалось издательство «Художественная литература». Когда решение принято – робость остаётся за дверью. Я переступил порог отдела кадров, где отставной полковник по фамилии Спок, щадя моё простодушие, сказал:

– Ты хоть понял, куда попал? Здесь работают жёны и дочки, – последние слова он произнёс врасстяжку и многозначительно, вздевая указательный палец. – Они тебя съедят на десерт и очень быстро. А поезжай-ка ты на улицу Ярцевскую, – он написал адрес на квадратике бумаги, – там недавно открылось издательство «Современник». Если не возьмут – узнаешь хотя бы, где поэты свои первые книжки печатают.

И уже другой отдел кадров. Заведующая Галина Яковлевна ведёт меня в редакцию литератур народов РСФСР.

В маленьком, с позволения сказать, кабинете сидел крупный мужчина с вьющимися волосами и оленьими глазами.

– Юрий Поликарпович, вот вам кадр, поговорите с ним, – сказала заведующая и оставила нас наедине.

Мой работодатель был задумчив, если не мрачен. Он ведал в редакции литератур народов России поэзией.

Последовало несколько дежурных вопросов и односложных ответов.

– Кого любишь из современных поэтов? – вдруг спросил Кузнецов.

««Первый раз тебя вижу, а ты просишь в любви исповедаться, – мелькнуло в голове. – Не на того напал».

– Леонида Мартынова, – выпалил я.

– Старый маразматик, – сквозь зубы процедил Кузнецов. – Ещё кого?

– Игоря Шкляревского.

– Мелкота, – вконец разочаровался Кузнецов. И, давая понять, что разговор закончен, добавил: – Завтра принесёшь свои стихи.

Это теперь ясно, что неведомая сила вынесла меня прямиком на Юрия Поликарповича Кузнецова, у которого ещё не было знаменитых книг, но сам он совершенно чётко осознавал своё место в русской поэзии. И в каких бы дружеских отношениях мы порой ни находились впоследствии – язык не поворачивался назвать этого человека запанибратски по имени. Для меня он всегда был и остаётся Юрием Поликарповичем.

А тогда подумалось: «Ну и тип! Какие могут быть стихи! Да гори оно огнём!»

Однако на другой день я сидел в том же кабинете и с удивлением наблюдал, как терпеливо Кузнецов читает мою рукопись, раскладывая её на три стопки. Над одним из лирических откровений он хмыкнул: «Шла она, к другому прижималась, и уста скользили по устам».

Наконец он привстал, потёр руки, хлопнул ладонью по одной из стопок и объявил приговор, победно и разоблачительно глянув на меня:

– Это – Рубцов!

Хлопнул по второй:

– Это – твоё!

Третью он пренебрежительно и резко отодвинул от себя:

– А это отнеси в журнал «Юность».

Потом посмотрел на меня столь торжествующе, как будто положил на обе лопатки:

– Иди заполняй учётный лист.

* * *

Юрий Кузнецов создал свою державу, свой поэтический мир, прописал свои законы и каноны. Строжайше охраняя чистейшие родники русского языка, поэт возвёл храм на берегу народной памяти, где прозвучали и поныне звучат откровения, которые опередили время и предсказали надвигающийся хаос.

#

Владимир Бояринов

Слово о поэте

Казалось бы, невозможно пробудить лирические чувства в наше явно нелирическое время одними стихами. Но оказалось возможным. Наверное потому, что творческий настрой поэта определяется не только проблемами и коллизиями сегодняшнего дня, но и всей русской историей, русской природой, широтой и тайной русской души. Иначе говоря, любовью к Отечеству, не согнувшемуся под властью временщиков, не отдавшего чужеземцам свою самобытность, не предавшему свою историческую память.

Однажды прочитав стихи В. Г. Бояринова к ним хочется возвращаться, еще раз ощутить исходящую от них энергию и теплоту, еще раз порадоваться и удивиться. Именно такое чувство возникает при каждой новой встрече с большим талантом.

Патриотизм поэзии В. Г. Бояринова – это не что-то дежурное, это естественный образ его мыслей и чувствований, это главенствующий мотив всего его творчества. В его стихах русская природа – это не фон, на котором происходят те или иные события, она – «соучастница» этих событий, их органическая составляющая. Такой подход автора создает ощущения некой целостности, помогает глубже понять и почувствовать происходящее, вызывает доверие к нему. Герои его стихотворений – живые люди со всеми их достоинствами и недостатками, сильными и слабыми сторонами. Они не только узнаваемы, они знакомы, близки нам по духу, по своим переживаниям, радостям и горестям. Они вызывают симпатию и сочувствие у читателя, так же как у поэта.

Следует подчеркнуть, что В. Г. Бояринов в своих поэтических зарисовках, наблюдениях и обобщениях выверено точен и воспринимается читателем не только как поэт, но и как социолог, познавший историческую сущность происходящего, как философ, проникший в мировоззренческие глубины поступков и проступков людей, их поисков и заблуждений.

В его поэтическом творчестве не только очевиден собственный подход к отражению нынешних реалий, его равнодушие и заинтересованность в благополучной судьбе России, но и явно виден свой поэтический стиль.

Стихи В. Г. Бояринова не перепутаешь ни с какими другими. Они звучат и как лирическая песня, и как озорные частушки, всегда находящие отзвук в сердцах читателей.

#

Вилен Иванов,

член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор

#

*И главное стихов в жизни у меня ничего и никогда не будет. Стихи
меня вынесли из Сибири в Москву.*

Благодаря стихам я нашел свое место в жизни.

Надо уметь пользоваться тем, что тебе подарено по жизни.

#

Владимир Бояринов

Метель

В краю таежном и далеком,
Там, где нельзя окинуть оком

Ни глушь дремучую, ни степь,
Метель посажена на цепь.
Когда она в ночи завоюет,
Проснется сердце и занует,
И боль становится остра,
И не забыться до утра.
Там – за Смородиной-рекою,
Там – за калиновым мостом,
Открытый бурям и покою,
Стоит и мой крестовый дом.
Там по суглинистому скату
Крылечко стелется к закату,
По брови вросшее в былье
И стерегущее жильё
Когда трещат в печи поленья,
Когда сильней обыкновенья
Метель на волчий дует след, —
Пускай в окне не гаснет свет.
В краю таежном и далеком
Тому бесстрастность выйдет боком,
Кто, греясь возле очага,
Не вздрогнет, словно от испуга,
Не выйдет в ночь на голос друга,
На крик о помощи – врага.

Белая лебедь

Как же так? Что же ты натворила!
Это все от твоей красоты.
По весне тебя сглазил Ярило, —
Обернулась облаком ты.
Стало облако лебедью белой.
Но стрелой в синеве промелькнул,
Взвился в небо недобрый и смелый
И тебя на лету умыкнул.
Где ты? Был я во вражеском стане,
Что раскинулся в диких степях.
Был на острове славном Буяне.
Гостевал у Кощея в цепях, —
Да на тех ли тяжелых галерах
В заповедных соленых морях.
Был на рынках людских и в гаремах
По нелегкому пути из варяг.
Но нигде о тебе ни намека,
Даже слыхом нигде не слышать...
Я вернулся живым издалека,
Стали раны мои засыхать.
Больше сердцу любовью не бредить,

Если новой любви не дано...
Что там? Снег.
Кто там? Белая лебедь
Снова крыльями бьется в окно.

Из детства

Я бегу. Полки разбиты.
Отступая налегке,
Укрываюсь от обиды
На заветном чердаке.

Здесь ветра свистят, как черти;
Здесь уже который год
После бабушкиной смерти
Богородица живет.

Мы давно уже знакомы,
И, похожестью маня,
Все глядит она с иконы,
Словно бабушка моя.

Пусть она меня в обиду,
Словно бабушка, не даст;
Пусть рассердится для виду
И прикрикнет: «Вот я вас!...»

***

Только перепел свищет о лете,
Только ветер колышет траву.
Обо всем забывая на свете,
Я гляжу и гляжу в синеву.

Ничего я для неба не значу,
Потому что на вешнем лугу
Я, как в детстве, уже не заплачу.
Не смогу.

Поздно

Август осыпался звездно,
Зори – в багряном огне.
Поздно досматривать, поздно,
Встречи былые во сне.

Встретим улыбчивым словом

Первый предзимний рассвет.
Прошлое кажется новым,
Нового в будущем нет.

Дорого только мгновенье,
Только любовь на двоих.
Ты отогрей вдохновенье
В теплых ладонях своих.

Веки с трудом поднимаю,
Слезы текут из очей.
Как я тебя понимаю,
Ангел бессонных ночей.

Полночью я просыпаюсь
С чувством неясной вины.
Каюсь, любимая, каюсь!
Поздно досматривать сны!

Эта лихая погода
С первой снежинкой в горсти
Нам не подскажет исхода,
Нам не подскажет пути.

Вырваться надо на волю,
Надо дойти до конца
Нам по бескрайнему полю
До золотого крыльца.

В темени невыносимой
Мы спасены от беды
Светом звезды негасимой,
Светом падучей звезды.

Предчувствию вослед

Я возвращусь не прежде,
Чем прозвенит рассвет.
Лечу вослед надежде,
Предчувствию вослед.

Звезда моя земная,
Моя земная суть,
Сама того не зная,
Предначертала путь.

Запел, забился зяблик,
В груди затрепетал:

«Не трогай райских яблок!» —
А кто бы спорить стал.

Зачем о прошлом плакать,
Зачем скорбеть, когда
Вонзаешь зубы в мякоть
Запретного плода?

А косточки от яблок,
Подхватывая влет,
Клюет залетный зяблик.
И пусть себе клюет!

Струг небесный

Ты увидишь не скорее
Воскресения, мой друг,
Как я высек из хорея
Именной работы струг.

Вровень с ветром, вровень с тучей
Я поставил паруса,
И вознесся струг летучий
В заревые небеса.

Не страшны ему цунами,
Не грозит ему тщета,
И лихими временами
Не разъедены борта.

То не ропот русской вьюги,
Не борей свистит в кулак, —
То заспорили на струге
Пушкин и Гораций Флакк.

Ломоносов, как я понял,
И Державин тоже здесь.
Или я еще не помер,
Или помер, но не весь.

Как уйду я – рать святая
За отеческим селом
Пропоеет в скитах Алтая
Староверческий псалом.

Звякнут ядерные цепи,
Вздрыгнет дедушка Иртыш:
«Видят матушкины степи,

Как высоко ты паришь!»

И пышна, и величава,
Пропоеет вослед Москва:
«Я твоя земная слава
И законная вдова!»

Сокрушенные ашуги
И шаманы языка
Сложат о небесном струге
Свод сказаний на века.

Заповеданы секреты
На столетия, мой друг:
– Кто вцепился в хвост кометы?
– Кто уселся в звездный струг?

И пока на Красной Пресне
Хоть один живой поэт
Распевает наши песни —
Есть Господь, и смерти нет!

Дума

Ты в раздумье раскрыла обложку —
Со страниц раскатились грома.
Ты сама допустила оплошку
И ответишь за это сама.

Двадцать лет эта книга таилась,
Двадцать лет, подбирая ключи,
Бесшабашная сила томила
И дремала на русской печи.

Ты зачем одинокие ночи
Растревожила гулкой грозой?
Ты зачем беспросветные очи
Окропила живою слезой?

Заворочался лежень от шума,
От крылатого зуда в руке, —
И твоя сокровенная дума
Загудела в моем кулаке.

Зажужжала, заныла, запела
Золотая от солнца пчела;
Потаенные струны задела,
Окаянные путы сожгла.

Медом ягодным плоть налитая
Ослепила своей чистотой.
– Хорошо ли тебе, золотая?
– И не спрашивай, мой золотой!

Я пойду на Тугарина-змея,
Отсеку ему девять голов.
Этой сказке перечить не смея,
Жди меня еще девять годов!

Жди меня. Как расчищу границы,
Щит на вражьих воротах прибью, —
Отпущу из победной десницы
Сокровенную думу твою.

Pervigilium Veneris

Кто грозовой воды испил,
Того желанье не погубит.
Еще полюбит, кто любил;
Кто не любил, еще полюбит.

Весна идет! – и зацвели
Подснежники в оленьих взорах.
Весна идет! – и журавли
Играют свадьбы на озерах.

Олень победно вострубил,
Взойдет заря – журавль вострубит.
Еще полюбит, кто любил;
Кто не любил, еще полюбит.

* * *

Мы метали снежки – не ножи,
Но как сильно и метко метали!
Мы друг друга пытали: «Скажи,
А под сердце они попадали?»

Ради жертвенной жизни самой
Утопали на ложе.
На клубы вихревые зимой
Становились похожи.
Этот стон, этот сон до зари
Слаще ангельской песни.
Ты меня умоляла: «Умри!»
Умоляла: «Воскресни!»

Все сбылось.
А без грешных страстей
В этом жертвенном зале
Мы похожи на лишних гостей,
Тех, которым на дверь указали.

* * *

Все дожди, но уже не медовые,
Все идут, но уже стороной.
Были дни золотые, бедовые,
А беды среди них – ни одной.

Было время, да к осени минуло.
Ни вдова и ни мужу жена
Проводила веселого, милого,
Да вот так и осталась одна.

Но дожди не забыла медовые,
Помнит их и желанный, родной,
Были дни золотые, бедовые,
А беды среди них – ни одной.

* * *

Ой да не по нашей воле
Расходилась выюга в поле!
Выюга в поле расходилась,
Наша доля заблудилась.

Ой да не по нашей воле
Не нашлось приюта доле.
Наша доля волком воет —
Никто двери не откроет.

Бегемот

Книга Иова (40:10—19)

Вот бегемот, творенье, как и ты.
Траву жуёт, как прочие скоты.
Но в чреслах прорастает
                                прочность древа,
Таится крепость в пуповине чрева,
Кедровый хвост нисходит со спины,
В причинном месте жилы сплетены,
Как из пластин стальных

хрящи и зубы,
А кости – словно бронзовые трубы.
И никакая в мире Божья тварь
С ним не тягалась ни теперь,
ни встарь.

И нет в руках Создателя оружия
Отважнее, чем он, и неуклюжее.
Он почивать уходит в тростники,
Находит тень под ивой у реки;
Он целые потоки выпивает,
Когда в жару поглубже заплывает,
И даже Иордан, испытый всласть,
Не утолит разинутую пасть.
Сон соблазнит – и сладкая дремота
Заворожит сознание бегемота...

И в этот миг, когда недвижим взор,
Между ноздрей вонзается багор!

Аленький цветок

Я срубил крестовый дом,
Говорят: «Грешно».
Дописал печальный том,
Говорят: «Смешно».

Ловок на руку и спор
Завидуший бес.
Запылал в саду костёр
До небес.

О любви заветный том
Запылал в огне.
Запылал крестовый дом
Со цветком в окне.

Если завтра я умру —
Погорюй чуток.
Я на небо заберу
Аленький цветок.

Буду нежить, чтобы рос,
Буду поливать.
Всех, кто дорог мне до слёз,
Буду вспоминать.

Страда

Все мужики – в упругой силе,
И все досужи покосить.
Покрасовались, покосили,
Пора бы и перекусить.

Мы чёрный хлеб вкушаем с луком,
Мы лук обмакиваем в соль,
И в том, что царствуем над лугом,
Не сомневаемся нисколько.

Мы и сказать бы не сказали,
Мы и помыслить далеки:
Какими жуткими глазами
Глядятся в небо васильки.

Они и скошенные дышат
И голубым огнём горят,
Они и видят все, и слышат,
И ничего не говорят...

Земляника

Медведь набрёл на грибника,
И в лес погнал его, пока
Грибник с обрыва не сорвался.
Он покатился кувырком,
Но зацепился пиджаком
За крепкий куст, и жив остался.

Висит над пропастью грибник
И замечает в тот же миг —
Внизу другой медведь возник —
Беда представилась двуликой.
От безысходности завыв,
Грибник увидел – весь обрыв
Усыпан крупной земляникой.

Держась одной рукой за куст,
Он плод сорвал...
Ах, что за вкус,
Насквозь пронизанный страстями!
Над пропастью,
на волоске
Подольше бы висеть в тоске
И землянику есть горстями!

* * *

Когда из поволоки
Пробрезжит на востоке
Рассветная межа,
Пускай тебе приснится
Осенняя зарница —
Заблудшая душа.
Впусти ее без страха,
Она всего лишь птаха
Меж небом и землей,
В своем скитанье давнем
Не ставшая ни камнем,
Ни мудрую змеей.
За то, что эти годы
Делила все невзгоды
И горести твои,
Нарви ты ей морошки,
Корми ее с ладошки,
Водой ее пои...

* * *

Еще дымок над крышей вьется
И переходит в облака —
А дом отцовский продается,
Как говорится, с молотка.
Еще стоит цветок герани
На подоконнике моем,
Тропинка узкая до бани
Еще не тронута быльем.
Еще ночные бродят сказки,
И ветер стонет как живой,
И без утайки, без опаски
За печкой плачет домовой.
Трещат сосновые поленья,
Горчит смолевый чад и тлен,
И все четыре поколенья
Глядят потерянно со стен.
И старики глядят, и дети
С поблекших снимков... И меня
Никто на целом белом свете
Не встретит больше у плетня.

Гадюка

На сугреве сомлела гадюка,
В ядовитое впав забытье.
В три погибели скручено туго
Подколенное тело ее.

Все положе восходит и выше
Расторопное солнце весны.
И дыханья змеино-го тише
Над ползучей сплетаются сны.
А во снах – заливные левады,
Виноградье небесных садов
И в грехах искушенные гады
Под упругою плотью плодов.
Но зачем, накрываясь как птица,
Ясный всадник летит на нее?
И взметнулась в порыве десница,
И блеснуло в деснице копьё!
Над седым ковылем просвистело.
Полыхнуло в глазах кумачом —
Это солнце с утра захотело
Позабавиться ярим лучом.
И затем потревожило гада,
Безмятежным уснувшего сном,
Чтоб с избытком не вызрело яда
У него на сугреве земном.

Одна ночь Ивана Денисовича

Бор сосновый. Ночь – как деготь.
Мошкаринный перепляс.
Тонкий месяц – рысий коготь
В грузном облаке увяз.

Бродит хищник тихой сапой
С пылью звездной на усах,
Перекаывая лапой
Облака на небесах.

Бродит рысь тропой крошечной —
Ночь проходит без следа.
Кровянеет над скворешней
Одинокая звезда.

Что-то будет, что-то будет!
Вот вонзился коготь в тын...
Сына родина забудет
Иль ее забудет сын?

Станет блудным, станет сучьим
И чужим через годок.
Коготок скользнул по сучьям,
А по коже – холодок.

Даже вслух никто не спросит:
И куда же он исчез?
Рысий коготь травы скосит
Где-нибудь на Пер-Лашез.

Лишь тогда его полюбит
Обезумевшая мать,
И хвалы ему вострубит
Всепрощающая рать.

Что ему до лести лисьей,
Если плоть укроет мрак?
Рвет потемки коготь рысий
И не разорвет никак...

Лучше прошлого не трогать
И не знать – что впереди.
Тонкий месяц – рысий коготь,
Старых ран не бережи.

Белая кость

Соседский пёс, полупородка, —
Полуовчарочий оскал,
Полутерьерская борода, —
Вниманья общего искал.

Я потрепал его по холке,
Слегка за ухом почесал.
«Ты – зверь! Тебя боятся волки!» —
Многозначительно сказал.

На знак приветия и участия
Он сел, он выронил язык,
Он замахал хвостом от счастья:
«Ты проницательный мужик!»

Он принял стойку, встрепенулся,
Залаял вдруг назло врагам,
Исчез мгновенно, вновь вернулся, —
И кинул кость к моим ногам.

Божий день

День сгорает на закате,
Исчезает без следа,
Без стенаний об утрате,
О потере навсегда.

Пусть он был не самый лучший,
Пусть не чудо из чудес, —
Это же не пёс заблудший
Появился и исчез.

Время вязкое в тумане
По наитию течёт.
Может быть, в моём кармане
Дней таких наперечёт.

Оклик, брошенный на сдачу:
– Собирайся, старый пень! —
Вдруг услышу, и заплачу:
Догорает Божий день...

Ковчег

Я накануне пил за Ноя,
Пил за ковчег, за люд и скот,
За веру в царствие иное
И за спасительный исход.

Пир отгремел. Всю ночь на блюде
Сияло яблоко во мгле,
В незапечатанном сосуде
Вино томилось на столе.

Парило. Тучи пьяным строем
Под блеск зарниц на приступ шли.
Видения искристым роем
Гудели, реяли и жгли.

Ной в сновиденьях рваных плавал,
Когда в супружеский ночлег
Проник промысловатый дьявол:
«Признайся, дева: где ковчег?»

В объятьях стиснул шестикрыло,
Печать сомнений стёр со лба.
Она раба. Она открыла
Небесной тайны погреба.

Разверзлись хляби. И протопал
Окольный гром, пьяней вина.
Земля хмельна была потопом,
Была погибелью полна.

Навстречу буре разъярённой,
Спрявив спасительный разбег,
Ной вывел в море разорённый
Бесовским промыслом ковчег.

И мы плывём на судне утлом,
Разбитом и родном до слёз.
Мы не потонем завтра утром
И послезавтра между звёзд.

Псалмы поём. А в трюмы хлещет.
Справляем бал у сатаны,
А сердце бедное трепещет:
«Мы спасены! Мы спасены?»»

Восходит солнце на рассвете,
Печатам стёртым вопреки.
Да хоть потоп! – живём как дети
Или слепые старики.

Как нынче ночь светла

—
На нашем берегу костров
                                не разжигают.
На нашем берегу такая тишина!
Но пахнет по ночам осиновой гарью
И даже ваша музыка слышна.

Донёсся звонкий смех.
И зримо, и весомо
Ударилась волна о ледяной причал.
На вашем берегу
играют Мендельсона...
Как нынче ночь светла!
Как слышно по ночам!

Осенние дожди давно отморосили.
Деревья, и дома,
и дальний плёс в снегу.
Красиво ты живёшь.
Живи еще красивей!
На противоположном берегу.

* * *

Словно ушла от погони,
Словно спасенье нашла —

Так и упала в ладони,
Страхом своим обожгла.

—

Птица моя голубая,
Полно чураться чудес —
Это тебя, погибая,
Вымолил я у небес.

—

Или чужую сквозь слёзы
Не увидала слезу?
Хочешь, на вольные плёсы
Нынче тебя отнесу?

—

Вербы к земле пригибая,
Ветер свистит у плетня.
Птица моя голубая,
Не улетай от меня.

Какие слова говорил

Я женщину боготворил
За то, что меня не любила.
Какие слова говорил! —
Она их под утро забыла.

Я встал и встряхнулся, как пёс:
Да что за беда, в самом деле!
Куда меня ветер занёс?
Куда мои очи глядели?

Спасибо, беду отвело;
Спасибо, что явлено чудо!
А ты забирай помело
И сваливай живо отсюда!

Не любишь? И я не люблю!
Ты ведьма? Я вчетверо злее! —
Я это гнездо подпалю —
Из подпола выползут змеи!

Уже улетаешь? Лети!
Дурак бы тому огорчился.

...А не разобьётся в пути?
Эх, что-то я погорячился...

* * *

Тишина у берега,
Лодки на мели.
Ночью выюги белые
Берег замели.
Всё под снегом спрятали,
Но за кромкой льда —
Бакены неснятые,
Стылая вода.

* * *

Этой ночью над равниной
Дух земли струился пряный.
И, преданьями хранимый,
Брёл с востока конь багряный.

И зануздан, и осёдлан,
Но без всадника и цели
Проходил по тихим сёлам,
И подковы не звенели.

А под утро дождик капал,
Мать печалилась о сыне,
На поляне заяц плакал
Да шептались две осины.

Слово и дело

Как сойдутся мудрецы,
Мудрецы, мудрецы, —
Гордецы и хитрецы,
Хитрецы, хитрецы, —
Что один наговорит,
Говорит, говорит, —
То десяток повторит,
Повторит, повторит.
А за ними и народ,
И народ, и народ
Берёт слово в оборот,
Оборот, оборот;
Начинает повторять,
Повторять, повторять;
Начинает претворять,
Претворять, претворять!
Не усердствуй, не твори,
Не твори, не твори! —
Поскользнёшься на крови,
На крови, на крови!

Снова родина в огне,
Вся в огне, вся в огне.
Мать рыдает обо мне,
Обо мне, обо мне.
Мать рыдает о тебе,
О тебе, о тебе.
Всем воздастся по судьбе,
По судьбе, по судьбе.
Вновь сойдутся мудрецы,
Мудрецы, мудрецы.
Гордецы и хитрецы,
Хитрецы, хитрецы.
Скажут: «Что там за урод, —
Вот урод, вот урод! —
Сделал всё наоборот?
Вот народ! Вот народ!»

Солнце горячее

«Солнце горячее, очень горячее, —
Тихо сказала старушка незрячая, —
Как не печально, но, кроме него,
Я не увижу уже ничего».
Свергло июльское солнце за крышами.
Все это видели, все это слышали.
Смолкло застолье. Лишь муха, жужжа,
Джем золотой подьедала с ножа.
То ли из космоса, то ли из Пушкина
Вырвалось кроткое слово старушкино.
Ночь наступила. Но мы всё равно
Славили солнце и пили вино.

Под хвост, под дышло, под копыта

Позавчера, воскресным днём
Я разговаривал с конём.
– Разбита жизнь моя, разбита
Просёлочная колея!
Под хвост, под дышло, под копыта
Попала молодость моя!
– Мой дорогой, а я пишу.
Я, как никто другой, пашу.
– Зачем живём на белом свете,
Зачем рождаемся на свет?
Зачем нужны страдания эти,
Которым оправдания нет?
– Мой дорогой, а я пашу.

Я, как никто другой, пишу.
– Узда и кнут – какая гадость!
Какая мерзкая юдоль!
И ни одна на свете радость
Не пересилит нашу боль.
– А я пашу, мой дорогой.
Спешу я, как никто другой.
– Но счастье – не луга с любовью,
Не стойло, не мешок овса,
А тот, последний путь на бойню
Длиною в целых полчаса... —
Приходят кони табунами
И разговаривают с нами.

Наизусть

Я собираюсь понемногу
В ту, запредельную дорогу.
Запоминаю наизусть
Любовь и радость, боль и грусть.
Но ветер памяти, как вишни,
Отряс классические вирши:
Храни меня, мой талисман... —
А дальше темень и туман.
Не за страницами былого —
Во мне *сначала было слово*.
Едва промолвишь: *Отче наш...* —
И расточается мираж.

Паром

Гудит паром, скрипит паром,
Трещит паром брусчатый.
Храпит Харон, трубит Харон,
Мертвецким сном объятый.
И рёв, и стон со всех сторон,
И ветер свищет в уши:
«Проснись, Харон! Подай паром!
Явись по наши души!»
На заберег со всех сторон
Народ стекает с улиц:
«Настало время похорон!
Проснись, проснись, безумец!»
Завяз паром, застрял паром,
Засел паром на мели.
«Вы мне, – взревел старик Харон, —
Смертельно надоели!
Молите, пусть не грянет гром,

Не оскудеет Волга.
Не торопите свой паром —
Живите долго-долго...»

Выбор

Какая досада —
Стоять среди сада
И голос услышать:
«А ну, выбирай
В мгновение ока,
В два счёта, в два скока
Без ложной утайки:
Ты в ад или в рай?»
Какая досада!
А я среди ада
Отнюдь не капусту
С оттяжкой рублю.
Досада вторая —
А я среди рая
Отнюдь не безгрешно
Царевну люблю.
И что там за спешка?
Орёл или решка?
Король или пешка?
Указ или весть?
Не надо, не надо
Ни рая, ни ада, —
Такой преизбыток
У нас уже есть.

Ушедшему лету вослед

С августом знойным расстались,
Кончились летние дни,
Нам на прощанье остались
Воспоминанья одни.

Лето на солнце сгорело,
Испепелилось дотла.
Девушка песни допела,
Женщина свечи зажгла.

Мы распростились со сказкой
Ветер вослед зарыдал.
Ты оглянулась с опаской.
Я на судьбу загадал...

Песня живого огня

Весеннему ливню протянешь ладонь,
И кажется —
                    звёздный осыпался колос.
Безлюдно и тихо. Но вечный огонь
В ночи обретает и силу и голос.

Крылатая песня живого огня
Восходит кругами высокой печали.
И звёзды яснеют, молчанье храня;
И древним преданьям
                                    не спится ночами.

И вечная память за песней вослед
Восходит на стогах
                                    салютом Победы.
Огонь изглубинный,
                                    вливаясь в рассвет,
На внешних полях поднимает побег.

И вновь голубеют погожие дни —
И солнце выводят на майское небо.
Слагают былинку живые огни
Погибшим в годину
                                    страданий и гнева.

Ключи от печали

Ни страдать, ни рыдать
                    я не стану в ночи,
Я вчера потерял от печали ключи.
Пусть мерцают во тьме.
                    Пусть другой бедолага
Их поднимет со дна
                    колдовского оврага.

Пусть сомненья его
                    раздирают на части,
Пусть ревнует глупец
                    и сгорает от страсти.
Звезды над бедолагой
                    рассыпали смех.
Я в углу рассмеялся счастливее всех!

Срок

Я умру на заре. Боже мой,
И на это достанет отваги.
Буду долго лежать, как живой,
В придорожном овраге.

Молча, без покаянья, один
Отойду. Будет дождичек капать,
Будет ветер касаться седин,
Будет горлинка плакать.

Журавли надо мной прокричат.
Пусть кричат – их никто не осудит.
Ни жены, ни детей, ни внучат
Даже близко не будет.

Там отец, там родимая мать
Ждут меня. Так о чем я стенаю?
Лучше б смертного срока не знать.
Я доподлинно знаю.

Холодеет мятежная кровь,
Стынет белое тело.
Ты хотела сказать про любовь?
Ангел мой, ты успела.

В мире моих снегов

В мире, где вечера
Тонут в немой глуши,
Только ещё вчера
Не было ни души.

Ночью светлым-светло
От первобытных звёзд.
Время вразвалку шло
На заревой погост.

В мире моих снегов
Воздух студёный чист,
Путаных нет следов,
Дерзкий не слышен свист.

Только откуда трель
Вышла на берега?
И голосит капель:
«Марья, зажги снега!»

Вот, навалясь на тын,

Время пошло на слом:
«Хватит, медвежий сын,
Спать беспробудным сном!»

Я открываю дверь
Резкому стуку вслед:
«Что там ещё за зверь?
Что там ещё за свет?»

С птицами на плечах,
С радостью на лице
Вижу тебя в лучах
На золотом крыльце.

Я выхожу во двор,
Сонный оставив склеп...
...Это с тех самых пор
Я от любви ослеп.

* * *

За кленовую ветку луна
Зацепила нечаянно боком,
И смеётся, и смотрит она
На меня немигающим оком.

«Ты не спи, – говорит, – потерпи.
Хочешь, сделаем снежные струги
И с тобою махнём по степи
Поднимать за погостами вьюги?»

«Ничего, – говорю, – не хочу.
Ты сама это знаешь прекрасно».
И лицо от неё ворочу,
И забыться стараюсь напрасно.

Надышала на окна луна —
Это что за нелепая шутка?
Но горят на стекле письмена:
Как прочтёшь – и отрадно, и жутко.

Моя держава

Гудит, стенает, завывает,
Во мгле свирепствует метель,
Перины снежные взбивает
И стелет царскую постель.
И кровью брызжет на подушки,

Срывая ягоды с рябин.

А мне теплым-тепло в избушке,

А мне спокойно – я один.

Уединение – держава

Небесных замыслов в ночи,

Пока перо моё не ржаво,

Пока огонь гудит в печи.

Гвозди номера

Елена Талленика

Поэт, прозаик, дизайнер-стилист. Живет в Москве. Окончила химический факультет Чувашского государственного университета. Дипломная работа опубликована как научная статья в журнале Российской академии наук.

Член-корреспондент Международной Академии наук и искусств. Член Союза писателей России, Российского Союза Писателей, Московской городской организации СПР, Русского литературного клуба.

Имеет звания: «Елена Талленика – поэт года 2017» (МГО СПР); «Елена Талленика – поэт года 2024» (НП «Литературная Республика»); «Звезда», «Мастер», «Гранд Меценат», «Гранд – Магистр» и «Премьер – Магистр» (Международный Фонд ВСМ). Награждена медалями «Патриот России», «75 лет Победы» и «80 лет Победы в Великой Отечественной войне»; «Георгиевская лента- 250 лет», «Святая Русь»; рядом общественных наград Российского союза писа-

телей и Московского городского отделения СПР: «Цветаевские костры», орденом «За вклад в литературу России XXI века» и другими.

За значимый вклад в развитие портала Стихи.ру награждена медалью «Просветители Кирилл и Мефодий». Отмечена медалью «Литературный Олимп» Евразийского Союза писателей, медалью Петра I Международной академии наук и искусств. Награждена звездой «Наследие» II и III степени Русского императорского дома и Российского союза писателей. Победитель конкурсов: «Лучшая книга года», «Поэт XXI века», «Поэзия XXI века», «Слово к русскому народу», «Писатель, современник, гражданин», «Москва – Нью-Йорк», «Россия – Франция».

Участник программы Русского литературного салона в Центре науки и культуры в Париже. Лауреат литературных премий имени М. И. Цветаевой, И. А. Бродского, А. А. Ахматовой, М. А. Волошина, Н. С. Гумилева, В. В. Маяковского; Сергея Есенина «Русь моя» и других. Лауреат Кубка мира по русской поэзии, конкурса «Серебряный Крест» с вручением серебряного креста «Во славу Божию». Многократный финалист национальной литературной премии РСП «Поэт года» и «Наследие».

Произведения автора переведены на несколько языков. В 2018—2025 годах вошла в число авторов «Антологии русской поэзии». Публиковалась в сборниках МГО Союза писателей России, «Каталоге современной литературы», альманахах Российского союза писателей, НП «Литературная Республика». Регулярно выступает на поэтических чтениях Российского союза писателей и в столичных литературных салонах. Участник Кубка большого Московского СЛЭМа – 2024. Исполнила роль в полнометражном фильме Евгения Степанова «Основной вопрос».

Автор 14 книг. Творчество Елены Талленики высоко оценивают рецензенты и критики. Из аннотации к некоторым книгам:

«ЛИКБЕЗНА...» – «сборник уникальных стихотворений с ярко выраженным авторским почерком на грани гениальности и безумства. Мистическая, экзистенциальная, чувственная, философски окрашенная лирика о поиске и разрушении собственного „Я“ в мире, лишённом любви и сочувствия, а также об обретении счастья в простых вещах, дарованных природой, Богом и человеческим теплом, – обезоруживает искренностью. Эта книга – монолог Духа, обращённый к надежде, вере, любви и ко всей Вселенной».

«НОЧЬ ВЫСОКОГО ДО...» – поэтическое цунами автора, сравниваемого критиками с Цветаевой, Бродским и Маяковским, но, несомненно, имеющего ярко-выраженную индивидуальность. Любители и знатоки поэзии безошибочно узнают ее уникальный стиль: современный язык, непредсказуемость последующей строки, всеобъемлющую чувственность и безбрежность Мысли. Сотканная из тончайших нитей души, поэзия автора подкупает искренностью, небезразличием, прямоотой и честностью. Это Книга о Себе самой и о каждом из Нас... Елена Талленика – известная московская поэтесса. В ее стихах – энергия подсознания, яркие образы и чуткая душа лирической героини. Эти стихи надо уметь прочесть сердцем.

*Немного от мамы, немного от папы...
остальное – работа над собой.*

#

Елена Талленика

— — нервозность пальцев — —

я – мим – нервозность пальцев воздух очертив в стекло уткнулась: умри на сцене если так здоров что ноги клешам на тельник полосатый крест нательный спины сутулость я – мим я мимо возгласа прошла грим от higoshi он – манекен он чей- то уикенд стекло – преграда в чужой стране за слоганы борьба малюткой йеной гиены трастов на мозги плюют монетки градом нервозность пальцев чувства выдает обыкновенно за токио забавно наблюдать наощупь

лица дизайнерские стили маскарад защитных масок жара залив не выпустит волны не освежиться на градуснике риска поднялась грозяще glassy: за тридцать... хорошо тому кто мал кто мил юн певче а если сорок и грозитя срок морщинкой губной... я – мим спасает от higoshi грим мой возраст вечен всегда семнадцать пусть берет нуар зумм цейса крупно... японочки – земная милота японой мамы молочные – на ожерелья зуб любви и тискай но в черном все какой же я везун во всем упряма токийских модниц не хотела но пополню списки витринных гряд не обходя ищу стекло побольше чтоб можно было сразу с мостовой легко вместиться тогда воображение-вещун мной гейшей горшей твою тоску в чужой стране витрин увидит в лицах... я-мим я не умею осязать на оттиск пальцев прикосновение захватывает дух мое свободам мое нижней нежней волне слизать на пирсе в водах которые в аомори кабалятся райдзи в угоду...

— — **либо** — —

просто скажи люблю выманив зверя возгласа вой растяну во времени на глубину зрачка я не сама прошу я старовером логоса по алфавитам рыщу в берестяных клочках я никому сестра и никому попутчица я никому жена сытностью здравных блюд в красных флажках загон самая горькая участью либо скажи люблю либо стихи убьют...

— — **духа огня призывают**
для итога... гогену — —

прочь из парижа от клеткота города воротом стиснута шея бант сальный старый костюм будто швеями вспоротый трубка раскурена пыхом кресальим прочь в полинезию с сыльными беглыми черными цве'тными желтыми белыми в днище лазурное франции родины все ли колонии нынче уродины все... приглядишься и взгляд остановится на малолетке из мирного племени если красавица рыбкою ловится если от родичей харч за пленение грех не воздастся традиции сложены сложно ли девочку сделать беременной кисти и краски таланту вельможенны белая кожа холстов кратковременна ...муза – зови ее жестом и криком палкой гони если хочет свободы все что окажется равновеликим только инстинкт продолжения рода ей любопытно тебе одержимо где там датчанка с пятью сорванцами разве ты первый без слез и нажима женщин меняешь клянясь праотцами любишь не правда обряд просвещения новое слово в ее обыходе полинезийка сродни угощению в богом забытом краю и народе лет через сто фанфароны в манишках живописуя гогеновы будни прелести юной техоры в париже так же возлюбят ее не убудет жаль что не знала о вечной джоконде вечном законе: судьба гениальна думала люди на время уходят старый сосеп путь не выберет дальний выбрал – париж не ссылает навечно слава и деньги не ждут слишком долго если француз поступил опрометчиво духа огня призывают с чувством долга...

— — **амба** — —

я прихожу читать в библиотеку писем выкраивая ночь как двоечник студент зерном рациональным разметан звездный бисер мне даже свет не нужен он лишний оппонент тому что в отражение оконной амальгамы на что влияет время и целибат луны в депо трамвай последний и номер моногамный в библиотеке писем посланье выходным один у совпадения пороховой запальник другим трамваям амба я их взрываю все а этот сувенирный пустив по рельсам спальни сама легла в колеса окрасить красным снег который выпал утром из порванных конвертов он целый год не таял не тает и теперь в библиотеку писем вход разрешен бессмертным в эпистолярном жанре не избежать потерь...

— — **флейц... небо**
нарисованное алым — —

глаза их встретились на прошлого манер так будто век не уходило время вязало шарф в испанское кашне и под абриго ладило кисет не просто всем а им сложней поверь жесто-

кое познали убыстренье еще юнцами начали любить а встретились и каждый лунно сед давай посмотрим что произойдет через мгновенье после смены века бессмертие да это все обман в зрачках то полутает то вдруг жжет и некуда поставить пышный куст не любит роз любовница эль греко от чьей реинкарнации до жен так далеко как крит от сиракуз ведь зрителю не отточить манер остались в прошлом больше не вернуться на первом междометии вздохну а на втором рассудок призову увь и ах те двое это мы глазами встретились уже не обмануться ведь небо будто алым полыхнув стемнело первой выпустив сову давай понаблюдаем я за ней и за тобой я за собой устала вся на виду мне старость не идет и на глазах как будто ожила той памятью эльгрековой любви так преждевременной как будто вырастала не в тех средневековых городах где только мясники не в кружевах но все противоречия не в нас – флейц – небо нарисованное алым и века мало оказалось вот и ждем теперь что снова отведет от той не проявившейся черты ни на асфальте ни на щечно-впалом извечном выражении тоски что носогубным складкам счет ведет он время для меня опередил быть понятой за триста лет до срока смотри как нежат руки покрова и как ломает внутренний огонь а кто сейчас в натурщицы возьмет кому известны морок и морока что остается – только цвет кровав в посланиях к судьбе мой дорогой в них голосу прорваться суждено я на него всецело полагаю душа нагая тело обрета останется на фресках бунтовать не управляемо сюжетами стило лишь угольным наброском балаганным из барной суеты островитян в ее чистосердечье уповать...

– — осень арля хотела даров...

ван гогу – —

ты бежал к горизонту старясь за солнцем успеть и пока не зайдет на холстах искупать как в крови пару грустных историй предназначенных юной козетте ведь париж не пристоеен не достоин вот этих травин ты почти не дышал бил этюдник по горлу хребту где-то вылюбят ту чья улыбка останется в камне ты бы пил с рыбаками забывался в объятьях таскух но тоски одиночество было больше чем искус охальный небо делалось выше осень арля хотела даров виноградники зрели зверем чувства и сброженным соком сумасшедший ребенок вздорный старец любимец воров быть безухим кощунство но кощунственной стыд о высоком что загнали в тщедушье человечьих футляров из тел не умеющих ждать появления первенца света на листе на росе на траве на коре в наготe и желать своей смерти в обуянной тоской страсти цвета не безумен лишь ангел исцеление больший недуг кто свободен от мук не пятнает холсты так интимно мысль о благе противна вы же членовредитель мой друг скажет пастырь жёпастый изреченьем ослабив латинным разве это подарки золотые брелоки часов все что скучно холсту проститутке подарено ухом принимай потаскуха из газетной обертки в число от рождения гения отсчитав тридцать семь сухо-глухо тридцатьсемь тридцатьвосемь тридцатьдевять тридцатьдесять все жив и как будто не мечен револьверною пулей в сплетенье эти мальчишки тени может ты приставал к ним скажи не любовен гогену обезумел от слез и хотенья глухо-сухо все тайны запечатает черный сургуч кто талантом могуч так же слаб тайне слава излишня и пока ты бежишь за закатом подл форменный случ... ай безумие вздернет револьверно при виде мальчишек...

– — неволя поиска формальна

обновленьем – —

по фрейду подсознанием укрепясь оговорись каратной цепью якорь держит ибо скажи могли бы глядя как в упор в окно в афишу в желтый глаз-софит держа на трех пюпитрах клинопи'сь так тяжела так неподъемна либо на полуобороте ледником смети озвучьем: больше не зови... мир без меня и дальше устоит а ты... неволя обновленья и оглавленья требует глава и головы так кровожадна юность а где-то стонет клавесин старинн интимен и торжественен в томленьe духовен стал ли признак половым не стал а я... я болью в дых проклянусь молодчику дыхание собыю не знающему знаков клинопи'си седому мужу вреден аппетит в дых-под-

дых каждая строка пока и старика до слез не довела как жизнь доводит до черты навистной оговорись признанием запрети я чувствую ты где-то в облаках я это видела во множестве других устройство – термин тела анатомий а я и в душе только о душе никто не слышит расстроенное пение мое пьерио печальный фортепианно понял бы но негр лилов и форменно клише все бабы юрки как в подвале мыши... не обо мне... я – темень кладовых сама подвал средневекова камнем любовен призрак порох отсырел ничуть не грея факелы коптят так долог век оказанный тебе все умерли жив только мураками и если я его переживу переживи и ты в моей строке хотя б...

— — иероглифом облака — —

постановочный кадр обессиленному не повторить не сдержать горизонт выдающейся силой атланта до него увязать в междурядьях событий говорить о бесилии и терять эту чертову нить в поле зрения в ощущении ночи полярной и андах нарисованный край не приблизить пунктиром шагов горизонтов так много я откуда-то знаю о каждом иероглифом облака над твоей головой иегов и приветствием странника в тель-авивской кофейне отважен он назвал меня музой имя странно немодно сейчас говорим о тебе арамейский хорош шифровальшиком чувства схимы по музеям разносится Илии Или лама савахфани в речах я запомнила намертво кофе чинный в то утро был с хиной...

**— — вот поэтому знает
сенокосец швейцарский — —**

сэр простите я ищу сент-готард чертов мост перевалы швейцарии альпы более лысы чем кажутся руль машины крутя собрала за собой целый хвост но никто не ответил на мосту все водители в гаджетцах я спросила рабочих: на оранжевых майках принты мир латает дороги а куда заведут он не знает и они не ответили в грунт вгрызаются словно кроты гастарбайтер networka ценит время погода дрянная без надежды на помощь в чисто поле к косильщику трав седовласый дедок вопрошаю где мост нет ответа и тогда без надежды говорю там Суворов трех глав государств иностранных убедил в мощи русского вето и случается чудо: аааа Suvoroff дед машет рукой и перстом указывает направление к славному месту: перевал сент-готард чертов мост и ущелье с рекой там где русская слава навсегда на кресте и окрестно где в скале монумент и молчащее эхо уррррааа где пять тысяч солдат упокоили души и судьбы и один общий крест с ощущением было вчера ибо буквы не стерты камень тверже беспамятства блудней: австрияки забыли как предали не выполнив долг что заставили стыть у люцерна на водах холодных что был воин разут что сапог износился до ног без овса -пали кони и солдаты стояли голодные как союзников ждали обещавших оружие гурт провиант и подпругу и взамен летней зимнюю форму а австрийская сволочь обманув говорила гуд-гуд пусть идут в чем пришли этим дали французикам фору я вживаюсь в Суворова я вжимаюсь спиной в скалу я иду по мосту под французские пули и ядра: гнал солдата и верил боже правый а верил кому итальянцам австрийцам англиканцам османам всем к ряду как ему поступить если воинский долг так велик если он не велит отступления и своеволия вот поэтому знает сенокосец швейцарский сей лик ибо славен Суворов кто прошел чертов мост Божьей волей как по лысой скале перевал и ущелье прошли пушки падали вниз поднимали и снова тянули офицерские шарфы чистый шелк не гнилой кашемир после взрыва связали доски моста и снова под пули а когда покатались с сент-готарда французику в тыл и две тысячи пленных повели к императорской спеси уготован опале слег Суворов от ран под латынь *Feci quod potui faciant meliora potentes*¹ и скончался Суворов и остался Суворовым в песне...

— — я треножила сердце

---

¹ Я сделал что смог, пусть те кто сможет сделают лучше

КИПЯТКОМ — —

ты со мною всегда во снах приходил и сегодня брал за руку и крепко держал запястье стиснув было больно но вырвать его не давал дети жены какие-то люди я лелеяла мальчика: котик называла по имени девочку-куклу не могла вспомнить фильмы актрисы все диваны заполнены кресла и стулья так много в моих гостях твоей родни я стояла одна посреди невниманья и гомона и глаза ощущала на венке застывшей крови ты смотрел из молчания из отчаянья из лесного звериного голода просыпалась лежала подолгу в слезах за начало болезни принимая пытаюсь вернуться в себя но и новому сну как листу канцелярский резак повторяя сюжет молча держишь за руку а в глазах и семья и семь я... я треножила сердце кипятком так болело тобой стихнув менее более позволяло уснуть опять но как только стон-сон как сто-звон в каждой вене звенел голубой просыпалась лист белый пришедшей строкою кропя я писала наощупь во тьме как слепой высоту малой буквы угадав сон сомкнувший ресницы не давал развести огонь на часах электронных не минуты считала года ни живой и ни мертвой сомнамбуле вещей луны балаболы а когда стихло в горле я с новым рассветом сдалась так бессонна усталость так устал от бессонницы мозг без аптечных отваров и без снадобий зельных чья власть убивала бы личность чей дурман всех забвений громозг я проснулась мгновенно венно коственно мышечно враз мне хотелось нектара шоколада лозы виноградной даров значит сахар упал голос внутренний ставить горазд медицинский диагноз там где нас убивает любовь...

— — мода на варваров — —

в сургучных печатях разломленных надвое в непосланных письмах чернил разводах от капель дождя из небесных хлябей лежит астролыбия для светил а если подумать она без надобы планеты вращаются год за годом но не обещается их сближений закон тяготения запретил ведь мода на варваров я то знаю семнадцатый век англиканский сговор фуражным зерном пополняются стойла валяют сукно сухари крошат блесит палаша рукоять резная на сходнях саутгемптона люд торговый и можно представить чего им стоило забыть что всему головой душа так было всегда кто-то молится высшему законники правят параграф на буквицу казнить невозможно уже помиловать вы подали власти пример мой друг а я на платке факсимиле вышила чихать или кашлять лить слезы от луковицы вопрос не планета повис надмирово но так далеко от простертых рук...

— — я детское неверие

в тот свет — —

дворы колодцы глубина вверху кусочек неба сдавленным квадратом апострофом нечаянная ветвь у тополя засохшего в июль дни матери я от отца бегу услышать вновь как мы похожи с братом быт коммунальный и большой обед на тумбочке обилие пилуль дым ладана проветрить нелегко пронизывает поры дерматина соседская старушка умерла не выбирая к счастью в сборе все так и жила судьбе наперекор нос заостренный вздернут буратинно я детское неверие в тот свет слезинка на бумажной полосе безвкусица неоновых цветов для восковых лилейников простенок три надписи и ни одной родной бездетная запомню этот страх ремарка ритуальная светло вздох многократно отразили стены и шепот как ужасно жить одной какое счастье я семь лет сестра дни матери вечерний кинотеатр клич воина в каньоне котауаси индейский достигается пигмент кипеньем хны на масляной воде сквозь стрелы с оперением летят край простыни в оттенок глины красят осанка горделивая и мне братание важнее всяких дел когда футбольный мяч луплю в окно от девочки не требуют признаний но честность не позволит промолчать осколки рассекречивают штаб в жестянке перевязанный блокнот аптечка с йодом если вдруг изгнание из воска самодельная печать и карты мира нулевой масштаб...

— — время — —

[illegible]

— — никогда не отчаивай
междометием — —

я потеря... растеряна... это ново разве первое слово берут обратно разве я не давала его алтарно разве может быть что-то глупей потерь я с тобой навсегда мне гореть огнём до последнего выдоха что стократно выдыхала уже поминальной кармой но господь позволяет еще хотеть эти хрупкие вены не знают платьев эти лунные вены чем дальше тоньше разветвляются делаются синее: потаенная алая кровь течет слову первому взгляд откровенный кратен сине-венный обязан смотреть как коршун лишь юнцу синеокому все красиво и нет разницы холодно горячо а от цепкого взгляда любовь не скроешь никуда не укроешь не потеряешь никогда не отчаивай междометьем не скользи по поверхности вен: увы... не вскрывай полноводье мое до кровищ изойду ведь рекой пропадешь ныряюш я с тобой навсегда каждый шаг заметен по началу любой главы...

— — придвинула конус
чернильный — —

близким быть страшно о не говори так лунный пятак никому не покажет реверс чаем остывшим ничья не зальется плита не говори так босая о лед греюсь исстари веды за мудрость не выдавай я навсегда мои снега по площадкам шаманьим твой же огонь волен грацию им придавать полня сосуд доживающей жрицы умаяя ночь соглядатай в ладонь светляков собрала вдруг не придешь темнота это опыт вчерашний я и сегодня тобой велика и мала но не смотрю в гущу чая спитого домашне: любит не любит в фарфоровой чашке ответ плавит огонь глыбу снежную в чай согревающ слабостью вольницы пара ирисок-конфет сладкий вкус долг у этих тянучек камлающих страшно счастливой любовью никто не спасет если рассвет не в родстве через пару столетий в чуме шаманьем голодный пригрелся лосенок но убежит только слепни напомнят о лете в счастье не страшно ты можешь и так говорить я не узнаю придвинула конус чернильный скрипом вершин лес за чумом в моем алфавите скрипу пера даже бог ничего не решил...

— — СЛЫШУ — —

ты же хотел чтобы я это слышала слышу ибо надышано в комнате не для тепла согреться драма и дрема в цветочном букете камышина только дотронешься вся опадет до оамиса скроет страницы переплетаю в мгновение слава те в прошлом галоша волошина найдена жить гумилеву какое-то время в имении но расстреляют пока кобура не украдена к спинам стена заговорщики пули помечены время назад расписаться могли на фронтисписе бога смешить веселить мимо шедших и встреченных взглядом прямым сразу в душу смотреть а не искоса слава таланту и эросу есть чем насытиться хочешь люби хочешь гимны слагай революции что побеждает я знаю ответ я владычица плачущей рифмой легко прекращаю поллюции я не хотела чтоб ты это слышал не искренним ручкой шалтаю и ножкой болтаю нервически все от того что жираф африканский изысканный бродит над озером в час чаодальний кармический и до сих пор длинношеему тяжело и тягостно данник его не увидел триумфа двукнижия был гумилев бах и нет гумилева а он и сном не хороводился с братией богом обиженной жаль ты не мистик

а я без зазорного сложного не объясню почему мне жираф так единственен сколько б стихов до и после не было возложено к тронной алтарности вечной поэзии истиной это останется между твоими лопатками станется крыльями выплачешь с тяжестью сброшенной прошлое в будущем только не надо украдкой ты же хотел чтоб я слышала... я слышу хороший мой

— — я предвиденье... — —

о страдающий нострадамус я предчувствие землеройка презрела танатос силюсь чувствовать прочь невольницей междометий ветер выманил про меня ли как любят дети верным выводом из немого кино без имени и без голоса за движением скорость времени трещин полосы былью были бы диалогово обоюдное кинокадра покинув логово еду в людное о страдающий нострадамус я предвиденье ибо кастинги дело темное знаю видела кто с ничейным мужчиной бабочкой пчелкой мертвою кто к парижу дорогой в саночках с плеткой верткою мне полушка телушка не за морем встал пошел до парижа дорога та самая хорошо ожидания не объявлены не спрошу и была бы дорога с ямами только шум глубь метро протираю лестнично метр на метр как ведя по корням намеченным и траве как однажды в сабвее умерший безымянный клошар роскошь быть приодетой без туловища я и в рубище хороша если виденье в ноздри тычется о страдающий о чем мне петь этим танатом водят за нос правда ведь умереть не дадут в париже всё вранье удали дали или стань ворьем укради ощущение гибели укради сединой благородной выделив из блондин ок ...когда от забот избавлена для забав нострадамус и мне предвиденье по зубам...

— — поэзия оплатит парящими птицами — —

когда то и я исчезну совсем поэзия оплатит парящими птицами но вспомнишь ли ты доказательством кантовым себя что довлел над моею строкой как воланд однажды неслышно подсел открыв портсигар поделился амбициями всему элегантен костюм с жестким кантом литьем набалдашника трость под рукой а знаешь чего я хотела бы страстно той теплой противной воды абрикосовой в граненом стакане ушедшей эпохи из только что начатой первой главы и верность узнать кто единственно ласков не может быть узнан ладонью по косам вопросы — по ним узнаются любимые ты любишь меня вопрошая на вы а знаешь чего не хотела бы болью оставленной розы инкогнито тайно мы столько с тобой пережили мы жильны глаз верность и больше ничто не спасет в прудах партриарших все встречи намолены не вынесу рукопожатия брутального огонь моментально займется по жиле и гибельным тут же аукнется: всё-и даже румянец мороженщиц сбледнет и от тишины не оглохнет лишь гравий я — график мне грани ощупывать короба ослепшей не видящей больше оглохшей а воланд а он обернется последним шестым доказательством канта бесправен какое несчастье и дьявол повержен и божьему дальше все плоше и плоше...

— — и что-то есть похожее в любви — —

начинка механических часов не тиканье удары метронома последнее живое существо летающая муха во-плоти немыслимое трепыханье крыл подтверждено ньютоновым биномом асфальтовое серое пятно разбить не может ибо улетит избавилась за действие стыжусь ну что мне жалко пусть бы зимовала закончится ее анабиоз проснусь и я волнуюсь новизне с ней можно и часов не заводить природа грандиозна даже в малом не раньше и не позже точно в срок приход весны всегда был связан с ней не помню невозможно подтвердить философ с эротическим уклоном предпочитаю право на любовь сезонному влиянию Леви начинка механических часов не тиканье — удары метронома еже-вечерне нужно заводить и что-то есть похожее в любви...

— — природе моей говорить не получится нет — —

о нет не скажу я сейчас улыбаюсь как будто вожу на нити корабль голландца почти к рубежу подошла нить рискует порваться и я не умею ходить по воде а на суше не удержу так

девочка переживает за шар он может сорваться но хочется видеть летящим меняющим небо он выше и птицы парящей и тех облаков что полету могли помешать да я улыбаюсь там небо теряет края не сцеплены руки ни риск не оправдан ни слабость когда он исчезнет полета свободного сладость научит ее выбирать между мы или я «мы» длится недолго «мы» длится совсем ничего ведь нить не лишает голландца летучего свойства в природе ее отпустить и желанно и боязно в природе моей отпустить насовсем с бечевой и всем дорожить дорожить это больше чем долг: страх тот же испуг никогда не узнать больше счастья и мне не представить: с летучим голландцем прощаться и намертво все же зажать нить высокого – до природе моей говорить не получится нет и я не скажу я не девочка с шариком красным летучих голландцев водить на мизинце опасно себя самое уличив в фантазийном вранье природе моей говорить полагается да за это гигантские мачты видны будут долго и мучить любовь выполнением странного долга не верить глазам в череде облаков увидав...

— — она одна — —

экранизация единственная цель единственная цепь для всех событий нанизанные бусины не трут а мучат болью в ней быть лишеньям избытию быть и чувств неуправляемых открытию вот эту заплатила за любовь а ту тем более кто режиссер – не знаю долг высок и бог бы мог но взялся бесталанней я согласилась дьявольский успех легко обещан ты просишь тайны как не сохранить их несть числа у одиноких женщин под парусиной кресельный комфорт: осела плавно мне в нем удобно я беру права и объявляю дубли искажений я лучше чувствую я знаю как играть как в ночь крик тонет твои союзы пошлости лишив а нелюбовь есть судеб унижение из всех партнерш оставила одну в глухом хитоне она одна способна чаровать малейший интерес не проявляя из шрифта брайля вынудив мягкий знак придумай имя любовь и смерть иначе назови избыты имена никчемных лялек огромен выбор трафаретных нимф и иже с ними...

— — знай — —

так доска выбивается из-под ног палачом-трубачом ослепленным медью на которой луч солнца в веселье нагло повторил фортепьянного дебюсси розы больше не розы в ногах венки и зачем я когда-то боялась смерти если смерть избавление значит благо значит плакать: шаманить не голосить пусть венок не медвяный и не цветочный а крапивный и жилисто-лопушинный из которого иглы чертополоха и травильные ягоды бузины но ведь это ему вдохновлять отточия многоточия рифмы моей вершины и с закатным сильней увядать всполохом обрывая ритм пульсом волосяным мимолетие маленького убийства в нем последняя кротость земного взора ради чьей-то надменной полу-гримасы полу-чувства довольства муа мэм пари даже если цыплячьим вдруг жалоблю писком из гнезда из всего моего разора знай... я уже на нее согласна ибо с вечностью говорит...

— — не зарекаюсь — —

покой иконописный тихий присный молитв река есть рассвет не отражается в зрачках лампадна благодать не много радостей не много не зарекаюсь и снова возвращаюсь в позапро-вчерашний август я в нем созрела мой запретный плод тебя ньютонил к теории не долг интерес хотела практик я выбивала $F = GMm/r^2$ как на бетоне на собственных лимфоидных узлах в интимном акте молчаще ты на все благословил сам настрадался от паданки в эдемовом саду ища замену открою: я ведь знала наперед от нострадамуса что невозможно яблоку не пасть так огроменно а остальное мистика судеб: необъяснимо я долго зрела я ждала тебя я наливалась с тех давних пор цветущий айдаред мой тайный символ поэтому и губы не бледны а только алы я знаю все о смолке янтаря на древе черном век ожидания и с корой роднит и с корнем древним и воробьев клюющих замечать и будни пчелок он научает и терпеть... терпеть кабанье трение всемирно тяготение мое тоской ньютонно фатально ничего не изменить

закон довлеющ я не причем я только инструмент m – малой тайна а остальное мистика судеб
и рот – алеющий...

#

Фото: Алёна Филина

Мнение

Творчество – это свобода...

В динамично меняющемся мире, когда информация поступает из множества источников и меняется практически ежечасно, когда технологии трансформируют окружающий мир почти радикально и влияют на сознание, мировоззрение и вкусы миллионов людей, есть ли место стабильности? «Литературная Республика» опросила авторов журнала, чтобы выяснить, насколько они готовы меняться в угоду вызовам и сложившейся конъюнктуре и существуют ли ценности, которые вне зависимости от условий, должны быть неизменными.

1. По-вашему мнению, должен ли писатель ради популярности учитывать литературную или иную конъюнктуру?

Эдуард Артюхов, поэт, прозаик: В современном мире для успешности необходимо единство трех составляющих: Интеллект. Исполнительность. Инициатива. Две первых создают как человека, так и автора. Третья – верный путь к самореализации и популярности. Конечно автор должен интересоваться литературной конъюнктурой, как элементом общественной жизни, учитывать ее изменчивые тенденции, но не руководствоваться. Учитывать необходимо свои знания, заветы и вечные истины добра, свое личное восприятие и ответственное воспроизведение в слове, окружающей действительности, руководствоваться своей совестью.

Сергей Болотников, поэт: Обратная связь, конечно, нужна. Но писать по заказу точно никто не будет: не получится... Потому что творчество – это свобода...

Беслан Валаргхо: Ради популярности, безусловно, нет. Ибо это уже смена авторского пути творческого поиска на «подборку» удобно-выгодной «стеzi лукавства» – потери своего лица, собственных принципов (если они есть), индивидуального почерка, а, значит, и своего имени. Другое дело – по совести реагировать на то, что происходит в обществе между людьми, их группами, развитие идей и отношение к этому власти. По-настоящему устремленный в психологический анализ общества писатель первым улавливает признаки нарождающихся повет-

рий, и уже сам ненавязчиво диктует эти изменения эгоистичному читательскому вкусу, внушая, что это его собственный читательский спрос!

Виктор Кроль, поэт: На мой взгляд, ради популярности учитывать литературную конъюнктуру совершенно необязательно. У каждого автора есть своя аудитория, для неё мы и пишем свои произведения. Поясню, написав стихотворение, я отправляю его своим друзьям и знакомым, получаю их отзывы, кто-то пишет, что отправил его своим знакомым или родственникам на Урал, Алтай, в другие регионы, а они, если им понравилось, могут переслать дальше.

Александр Лукичев, публицист: Да, должен. Правда, красные линии все равно должны быть. Я согласен с теми, кто говорит, что литература должна быть нравственна. Кстати, есть и противоположная точка зрения, что это – необязательная опция. Как человек живёт и зачем живет, как он относится к вопросам добра и зла, какие у него нравственные приоритеты – это вечные вопросы у писателя, когда он размышляет над предназначением человека. И его произведения – это вечный спор об этих ограничительных линиях. А насчет популярности – делает это он не ради нее. Один известный коммунистический вождь сказал: «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя». Думаю, здесь как раз этот случай.

Анна Маг, прозаик, поэт: Должен ли автор учитывать литературную конъюнктуру? Думаю что да, но при этом четко придерживаясь своего мнения. Так как, можно раствориться в массах и утратить свою эксклюзивность. А каждый автор – это, несомненно, неповторимость и индивидуальность. Читательский спрос – явление спорное. Это зависит, скорее, от коллективного бессознательного. И, как правило, чем сложнее ситуация в мире, тем людям больше хочется легкости в искусстве. Что касается жанра, то, как правило, автор выбирает тот, в котором его мысль ясно и четко доносится обществу. Не всякий автор может жонглировать жанрами и выбирать по настроению тот, в котором хочется писать, например, в сентябре, а вот в декабре уже другой. Скорее, жанр выбирает автора.

Светлана Рудакова, поэт: На мой взгляд, само время и общество в целом диктует популярность авторов в соответствующем духе. Иные авторы сторонятся общепринятой позиции и ищут свои пути для самовыражения и отражения сути причин происходящих событий, видя сквозь время. Независимо от злободневной популярности и материальной оценки их творчества.

Елена Филатова: Мне кажется настоящий писатель, да и любой творческий человек, не должен что-то создавать, рассчитывая на получение популярности. Другое дело, что мы не можем об этом не думать и рассуждать, почему тот или иной человек получил такое при-

знание общественности. Чем он зацепил души людей, почему это стало модным?! По приказу люди не начнут любить что-то читать, если это не совпало с ними хоть в чем-то. И вот это интересно разгадать и найти путь к своему современнику.

#

#

#

2. Готовы ли вы меняться, менялись ли в своем творчестве? И в чем могут выражаться допустимые изменения?

Эдуард Артюхов: Много лет я писал, но не публиковался официально, в общественном пространстве не проявлялся как автор, хотя мои стихи бродили среди друзей и знакомых. Но последние десять лет я решил потихоньку выдавать свои творения на читательский суд. Разве это не изменение? Мы не можем быть косны в своем творчестве. Мир меняется, меняются люди, меняются авторы. Молодым авторам я всегда рекомендую пробовать себя во всех жанрах, направлениях, темах. Одно должно быть важным! Взгляды и мысли – добрыми, светлыми, позитивными, созидающими. Рухнуть во тьму очень легко. Служить добру очень трудно.

Сергей Болотников: Жизнь меняется и мы вместе с ней. Возникают потребности и возможности, о которых раньше и думать не смели. Зайдите, например, на сайт «Поэзия», посмотрите, какие прекрасные клипы делает на свои произведения молодежь, не имея специального образования, феноменально соединяя текст, видеоряд, звукорежиссуру, музыкальное сопровождение и композицию в одно целое... Восторг! Свою следующую книгу хотел бы видеть только такой...

Беслан Валаргхо: Писатель, прежде всего, человек, и он, как и всё «под луной», конечно, меняется – развивается. Важно, чтобы это происходило не в ущерб его «нравственному кодексу». Это – основа! Всё остальное – это форма самовыражения. Здесь уже простор профессионализму, таланту, мыслям, формам и взглядам, постоянно меняющимся под воздействием различных факторов, как внешних, так и внутренних. В моём случае – это и фактор времени -возраста, с его некоторыми неудобствами-«стабилизаторами» – устоявшимися взглядами, принципами, с одной стороны, и опытом,» подвергающим всё сомнению», с другой. Но и то, и другое, как не парадоксально, увлекают в творчество, а значит, увлекают в жизнь.

Виктор Кроль: Человек, тем более поэт или писатель, всегда должен идти в ногу со временем. Меняется жизнь, меняемся мы, но это не означает, что должны кардинально меняться принципы поведения и освещения своей позиции на страницах сборников и журналов. Это сугубо моё личное мнение.

Александр Лукичев: Мне кажется, что это объективный процесс. Я буду меняться, если я даже не захочу этого. А я хочу. Прежде всего, в жанре. Я написал восемь книг в жанре документальной прозы, и это всегда конкретные люди, даты, состоявшиеся события. И здесь, как правило, существует адресная направленность повествования, предугадывается будущая читательская аудитория. И получается что места для моих взглядов, мыслей мало – мои реальные герои уже все сказали за себя. Возможности для художественного вымысла невелики. Будущий герой моей новой книги такой потенциал мне дает.

Анна Маг: Готова ли я меняться в своем творчестве? Скорее, развиваться, а не меняться. Развитие – это углубление и рост. Изменения допустимы, если только вы решили, например, лично посетить место, о котором пишете. И в данном случае изменяете свое местоположение: меняете стул на кресло в самолете, или сами совершаете восхождение на гору, которую опи-

сывааете. Иногда изменения в творчестве связаны с взрослением автора, как личности. Но суть всегда неизменна. Я вообще склонна считать, что человек в принципе не меняется, а только может раскрываться по-новому в тех или иных обстоятельствах.

Светлана Рудакова: Я думаю и в литературе, и в других видах искусства сами авторы не меняются, но по ходу событий и познаний в их сфере и в жизни общества меняются их чувства и мысли, и соответственно темы, отвечающие вопросам времени или их личной жизни.

Елена Филатова: Лично я думаю, что меняться необходимо, не изменяя самому себе, своим принципам, не ломая свой внутренний стержень, можно опробовать новый жанр, подачу, форму, все это даже любопытно освоить и попытаться поговорить о трепещущем на «модном» языке. Что касается меня, то я в 50 лет пошла на курсы стендапа, успешно закончила и даже иногда выступаю. То, что я опробовала новый юмористический жанр, дало мне новый импульс в творчестве.

Поэтическое слово

Эдуард Артюхов

Родился в Смоленске. Живет и работает в Санкт-Петербурге. Пенсионер, ветеран труда, государственный советник юстиции 3-го класса в отставке, Почетный работник прокуратуры Российской Федерации, поэт, член МГО СПР, член редакционного совета журнала «Невский Альманах» (Санкт-Петербург). Поэтические сборники: «О главном, о любви, о вере» 2020, «О главном, о любви, о вере. Издание второе» 2020, «Богатыри» 2019, «Город, в котором живут ангелы» 2023, «Саратов-мой учитель и наставник» 2024. Составитель, редактор и автор ежегодного (2011—2021) литературно-поэтического сборника произведений ветеранов и работников органов прокуратуры Санкт-Петербурга (Ленинграда) «Души прекрасные порывы». Победитель народного голосования и лауреат Международной премии «Русская премия – 2022», победитель и дипломант ряда поэтических конкурсов в 2011—2024 годах, имеет награды за профессиональную и литературную деятельность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.